

Л.Н.Корякова, А.В.Епимахов

Синташтинская археологическая культура: проблемы интерпретации

Эпоха бронзы вошла в историю человечества как время важных технологических открытий, серьезных экономических изменений и социальных контрастов. Уже в третьем тысячелетии до н.э. производящее хозяйство в виде двух основных отраслей: пастушеского скотоводства и металлургии, — заметно изменило культурный и социальный ландшафт южной части умеренного пояса Евразийского континента, а усилившееся воздействие урбанизированных центров Ближнего Востока стимулировало развитие торговли и обмена. Эти тенденции со всей полнотой проявились во втором тысячелетии до н.э., к концу которого в Евразии практически не осталось областей, не задетых влиянием «технологического прогресса». Металл, как предмет широкого спроса, острой конкуренции и социального престижа, вошел в сферу власти и ритуала.

Отдельные регионы «проживали» эти процессы по-своему, в зависимости от конкретных обстоятельств: экологических условий, природных ресурсов, социальной организации, способной направить общество на их освоение, экономического и человеческого потенциала и т.п. Районы с богатыми минеральными запасами получали явные преимущества, привлекая туда группы нового населения. К их числу можно отнести и Южный Урал. Находясь в центре евразийских степей и располагая запасами минерального сырья, он уже в третьем тысячелетии до н.э. стал одним из центров технологического развития и активного культурогенетического процесса.

Эта страница древней истории региона нашла отражение в археологических памятниках, часть из которых, объединенная названием *синташтинской археологической культуры*, стала предметом обсуждения в настоящей статье.

Синташтинская культура: история открытия и изучения

Долгое время изучение синташтинских памятников было делом узкой группы специалистов. Однако события конца 1980-х годов сделали один из памятников — укрепленное поселение Аркаим — общественным событием. Кратко напомним, как это происходило¹. Еще до открытия Синташтинского комплекса в Южном Зауралье были известны отдельные находки материалов соответствующего облика, но, имея фрагментарный характер и происходя в основном из могильников, они слабо выделялись из числа других древностей бронзового века.

* См. также цветные вклейки V–VII.

В конце 1960-х, когда в Брединском районе Челябинской области начались широкомасштабные спасательные работы в зоне затопления между поселками Мирный и Рымникский², в поле зрения исследователей попали поселение и могильники на р. Синташта. Очевидная неординарность данного комплекса очень скоро вызвала появление различных гипотез, которые лишь умножились, когда стало ясно, что речь идет не о единичном явлении, а о целом пласте памятников.

В ходе раскопок Уральской (руководитель — В.Ф.Генинг) и Урало-Казахстанской (руководитель — Г.Б.Зданович) археологических экспедиций (1971–1976 и 1983–1986 гг.), была изучена сохранившаяся часть укрепленного поселения и ряд погребальных памятников. Последние характеризовались яркой и богатой обрядностью, были насыщены жертвоприношениями животных, различными категориями инвентаря, хранили следы установки колесниц и пр.³ Еще до подробной публикации материалы могильников стали широко использоваться учеными для разного рода построений — хронологических, культуро- и этногенетических, социальных⁴. Однако планомерные раскопки эпонимного поселения показали, что эта часть комплекса не менее значима.

Дальнейшее изучение пришлось на переломные для страны годы и включало полную драматизма борьбу за спасение от затопления укрепленного поселения Аркаим, которое, в отличие от Синташтинского, сохранилось полностью и имело еще до раскопок выразительную и необычную структуру. С самого начала памятник был представлен общественности как уникальный, связанный с арийской проблемой, и т.д.⁵ Обращение к общепонятным терминам породило цивилизационную трактовку феномена⁶ (правда, с добавлением прото-, а позднее и квази-) и использование метафоры «Страна городов» по отношению к аналогичным памятникам Зауралья. Такое словоупотребление было обусловлено, конечно, не только желанием быть понятым как можно более широким кругом общественности. Открывшиеся во всей полноте комплексы явно отличались от казавшейся прежде монотонной картины бронзового века аридной части Евразии. Кроме того, в общественных науках начался процесс поиска новой парадигмы, и концепция цивилизации казалась едва ли не панацеей от засилья догматизированного марксизма. В дальнейшем этот оптимизм несколько потускнел, и стали отчетливо видны внутренние проблемы теории.

В практическом плане большим достижением коллектива ученых, руководимого Г.Б.Здановичем, стала систематическая работа по идентификации (дешифрирование государственной аэрофотосъемки) и каталогизации памятников юга Челябинской области, среди которых особое место заняли памятники эпохи бронзы⁷.

В итоге, к настоящему времени на юге Челябинской и северо-востоке Оренбургской областей открыты 22 укрепленных поселения, датируемых периодом финала средней бронзы (21/20–18 вв. до н.э.). Известные на сегодня поселенческие памятники расположены на степных реках Уральского и Тобольского бассейнов. Лишь один из них – Чекатай – локализуется на берегу озера. Некрополей в Зауралье известно несколько меньше – двенадцать.

Все комплексы приурочены к зоне северной степи Южного Зауралья, концентрируясь между 54 и 52 градусами северной широты и 59 и 62 меридианами восточной долготы (Зауральский пенеппен). С запада эта территория ограничена горами восточного склона Урала, на востоке – тектоническим уступом, отделяющим пенеппен от континентально-морской равнины Западно-Сибирской низменности. Для нее характерны месторождения с высоким залеганием медных руд и других минералов, выходящих на поверхность, и близость лесных массивов⁸.

В отличие от поселений, погребальные памятники известны и за пределами Зауралья: на прилегающей территории Казахстана⁹, в Приуралье¹⁰ и Поволжье¹¹.

Раскопки проведены на поселениях Синташта, Аркаим, Устье, Аландское, Куйсак. Продолжаются системные исследования на поселении Каменный Амбар (Ольгино)¹², синхронный могильник которого ранее дал блестящие материалы¹³. Кроме него, изучались и уже опубликованы другие некрополи – Большекараганский¹⁴, Кривое Озеро¹⁵, Солнце II. Раскопки в Зауралье велись на девяти могильниках (около 200 погребений). Приуральские материалы, представлены шестью курганами (46 могильных ям), казахстанский могильник Бестамак дал около 30 могил.

Таким образом, за последние два десятилетия накоплен достаточно большой объем данных по интересующей нас культуре. Несмотря на неполноту публикаций по отдельным памятникам, мы можем очертить ее основные параметры.

Материальная атрибутика культуры¹⁶

На сегодня древности первой четверти второго тысячелетия до н.э. в Южном Зауралье представлены укрепленными поселениями и могильниками¹⁷. Практически все поселения локализованы в чашевидных речных долинах с близким горизонтом. Создается впечатление, что при выборе места заселения решающее значение имели близость источника воды, нерасчлененность рельефа и наличие естественных границ. Некрополи в большинстве случаев отделены от поселений водной преградой и располагаются в северных румбах относительно жилых строений.

В форме поселения имеется два основных варианта. Первый – это округлоплановые поселения (Синташта, Аркаим, Аландское).

Во втором в основу планировки положен линейный принцип (поздний слой Устья, Чекатай, Черноречье III). Прямоугольные городища, интерпретируемые рядом исследователей как петровские, по стратиграфическим данным датируются в Зауралье несколько более поздним временем относительно округлоплановых синташтинских. Есть и случаи наложения разных вариантов фортификационных систем друг на друга¹⁸.

Внутренняя планировка поселений обусловлена формой фортификации, в которую, в зависимости от абриса, вписаны радиально или линейно расположенные блоки строений. Несмотря на некоторую разницу в форме (трапециевидная и прямоугольная) и размерах площади пола (до 180 кв. м), жилища не различаются в технологии строительства (каркасно-столбовая конструкция, небольшая глубина котлованов и пр.) и интерьере (колодцы, теплотехнические сооружения, внутренние легкие перегородки).

Общая площадь синташтинских укрепленных поселений не превышает 2 га, часть петровских достигает 3,4 га. Эти цифры не кажутся впечатляющими даже на фоне других памятников уральской бронзы, однако если принять во внимание площадь полов помещений, оценка будет принципиально иной — «под крышей» оказывается до половины общей площади застройки¹⁹. Хотя архитектурные реконструкции фортификационных систем по археологическим данным всегда уязвимы, рискнем утверждать, что поселения были снабжены достаточно серьезной линией обороны. Широкие и пологие рвы на многих участках имели большой перепад глубин даже в пределах одного памятника — от 1,2 до 4,5 м. Это отчасти связано с тем, что их функция не сводилась только к военной. Как показали последние раскопки, рвы были снабжены резервуарами для отвода и сбора атмосферной воды. Основание оборонительной стены, как правило, очень массивно — до 4 м, однако сохранившаяся высота зависела от многих показателей — глубины прилегающего рва, наличия облицовки внешней поверхности камнем (Аландское, Каменный Амбар (Ольгино)) или другим материалом, а также от антропогенного воздействия.

Состав поселенческих коллекций типичен для памятников эпохи бронзы и включает кости животных, фрагментированную керамику, следы разнообразных домашних производств (обработки кости, дерева, кожи и камня, ткачество). В массе представлены шлаки и мелкий металлический лом. К примеру, на исследуемом нами в настоящее время поселении Каменный Амбар (Ольгино) на каждый квадратный метр приходится одна находка из числа отходов металлургической деятельности²⁰. Много каменных орудий для кузнечной и абразивной обработки. Таким образом, в коллекции представлены следы полного цикла от руды до конечного продукта, хотя цикл этот пока не восстанавливается. Уровень

освоения навыков производства оценивается специалистами по-разному, но в целом синташтинско-петровская технология выглядит несколько архаичнее²¹, например, сейминско-турбинской металлургии, хотя, судя по последним данным, развивались они примерно в одно и то же время.

Что касается могильников, то именно они составили первоначальную славу синташтинским древностям, прежде всего благодаря своей насыщенности индоиранской символикой и колесничным находкам. Дальнейшие исследования лишь детализировали и углубили это первое впечатление. Некрополи в Зауралье обычно ассоциированы с конкретными поселениями, в Приуралье (где поселенческие памятники по сию пору неизвестны) встречены только отдельные курганы в составе разновременных могильников. Зауральская обрядность представлена небольшими курганными могильниками, включавшими одно- и многомогильные погребальные комплексы. За ними скрываются сложные и многоэтапные действия, связанные с похоронной обрядностью. Метрические характеристики даже наиболее крупных из этих комплексов не потрясают воображения (максимальная высота — около метра, диаметр площадки — в пределах 30 с небольшим метров). Вместе с тем, синташтинские (и часть петровских) погребальных памятников отличаются высокой степенью структурной сложности и очевидной символичностью. Организация подкурганного пространства подчинена идее создания ограниченного рвом (изредка валом) внутреннего пространства с акцентированным противопоставлением центра и периферии. Центральную позицию занимала пара могильных ям, наиболее крупных по размерам и наиболее сложных по оформлению, иногда трактуемых как склепы. Несмотря на разграбленность большинства могил, оставшиеся материалы указывают на то, что перед нами места коллективных захоронений, видимо, сопровождавшихся неординарными категориями инвентаря — колесницами и упряжью, предметами вооружения и пр. Наряду с этим в данных погребениях есть и свидетельства металлургической специализации²². Нередко центральная часть площадки служила и местом совершения жертвоприношений животных, хотя эти ритуалы чаще приурочены к конкретным погребальным конструкциям.

Остальные могилы с индивидуальными и коллективными захоронениями располагались по кольцу. По объему, сложности и числу погребенных (до восьми человек), составу инвентаря и жертвоприношений отдельные усыпальницы не уступали центральным, но в целом были скромнее. Наиболее сложный вариант конструкции предусматривал облицовку стенок ямы в придонной части деревом, нескольких ярусов перекрытий, сооружение специального отсека для частей жертвенных животных. Все это венчалось на уровне погребенной почвы самостоятельным над-

могильным сооружением. Площадь дна определялась количеством покойных, а также необходимостью размещения инвентаря (колесницы) и жертвенников. Приуральские курганы содержат некоторые редкие варианты погребальных сооружений – подбой, катакомбу и пр.

Умерших укладывали скорченно на левом боку с руками, приближенными к лицу. Это расположение станет «нормой» для следующего срубно-алакульского периода. В позиции синташтинских погребенных можно обнаружить и другие, более редкие разновидности: на правом боку, скорченно на спине и, наконец, вторичные погребения, имеющие прямые аналогии в катакомбных культурах²³. Половозрастные характеристики покойных отражают практически все категории, но численно преобладают дети, в первую очередь, младшей группы²⁴, а мужчины и женщины представлены примерно в равном соотношении. Это создавало бы внешнюю картину «правильной» структуры смертности, если бы не общее количество покойных. В Синташтинском погребальном комплексе (видимо, исследованном полностью) нашли последний приют не более 100 человек, эта же цифра пока зафиксирована для могильника Каменный Амбар-5 (раскопанного, как минимум, наполовину)²⁵. Очевидно, что поселения были предназначены для проживания гораздо большего числа людей.

К числу наиболее ярких особенностей синташтинской погребальной обрядности относится обилие и разнообразие форм жертвоприношений животных, почти исключительно домашних (лошадь, крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот, собака). Различия касаются не только частей жертвенных животных, но также локализации и способа организации конкретных жертвенников. В большинстве случаев части или целые костяки не могут интерпретироваться только как заупокойная пища. Это в первую очередь относится к погребениям коней (или частей туш), сочетающихся со следами установок колесницы и находками псалиев. Состав животных обуславливался половозрастными характеристиками индивида – лошадьми снабжались мужские погребения, в детских и захоронениях молодых женщин встречаются почти исключительно кости мелкого рогатого скота.

Состав сопроводительного инвентаря очень обширен и в значительной степени определялся половозрастными характеристиками покойных. Очень яркой серией представлены предметы вооружения и военного снаряжения – металлические топоры, копья, каменные наконечники стрел, панцирные пластины, детали лука. К этому ряду примыкает такое символическое оружие, как каменная булава (в нескольких разновидностях). Вероятно, часть массовых находок двулезвийных ножей и поперечнолезвийных плоских топоров-тесел была полифункциональна. Военная техника имеет единственное, зато очень яркое воплощение – ко-

лесничный комплекс (следы вкапывания колес со спицами, предметы упряжи, парные жертвоприношения лошадей). Несмотря на сомнения в его эффективности и даже функциональности в целом²⁶, мы полагаем, что колесницы могли использоваться не только в ритуалах, но и в жизни. Об этом красноречиво свидетельствуют следы сработанности псалиев — одного из ключевых элементов оголовья²⁷. Следует отметить, что в Уральских степях колесничный комплекс представлен в максимальной полноте, с которой сравнимы только петровские памятники Северного Казахстана. Однако, в нашем распоряжении нет данных о его формировании и эволюции до появления носителей синташтинских традиций.

Прочие находки из погребений более привычны — керамическая посуда, бусы и пронизи (в основном пастовые, изредка металлические), браслеты, створки раковин, амулеты из клыков животных, шилья, иглы, астрагалы и пр. Если керамика сопровождает все категории умерших, то остальные категории связаны в основном с женскими (и детскими) погребениями. До 1/5 всех покойных (обоюго пола и всех возрастов) имели атрибуты, связывающие их с производством и обработкой металла (руда, шлак, сопло, заготовки литейных форм, сплески, металлический лом; абразивы, каменные плиты-«наковальни», песты).

Если сформулировать кратко отличительные черты синташтинского археологического комплекса, их можно свести к следующему:

1) структурированные поселения со сложными фортификационными сооружениями и секционным архитектурно-планировочным решением в форме овала или круга;

2) сложные погребальные памятники с высоким содержанием остатков ритуальной практики, включающей различные виды манипулирования телами умерших людей и жертвенных животных;

3) значительное присутствие в материальном комплексе предметов металлургического производства, вооружения, наличие остатков колесного транспорта передовой для того времени конструкции и довольно эклектичный набор керамики²⁸.

Социально-экономические интерпретации

После знакомства с синташтинско-петровскими материалами возникает масса вопросов, и в первую очередь они касаются материального базиса оставившего их общества, его социального уровня и идеологии.

Судя по всему, естественные биологические ресурсы рассматриваемой территории обеспечивали нужды местного населения: кости почти всех видов диких животных и рыб были найдены на памятниках. То же самое относится к растительности, остатки

которой представляют собой весь спектр растений местного ландшафта, за исключением дуба и сливы, которые предположительно были завезены²⁹.

Следы хозяйственной деятельности со всей очевидностью подчеркивают, что система жизнеобеспечения базировалась на животноводстве. Имеющиеся единичные находки остатков культурных растений пока подают лишь надежду, но не проясняют роль земледелия в жизни местного населения.

По данным археозоологов³⁰, соотношение видов в условном синташтинском стаде выглядит следующим образом: КРС — 60%, МРС — 30%, лошадь — 10%³¹. Коллекции петровских слоев демонстрируют рост присутствия костей мелкого рогатого скота и сокращение числа костей крупного рогатого скота, хотя последний все же преобладал (45–50%). У нас нет прямых свидетельств специальной селекции животных, направленной на интенсификацию скотоводства. С другой стороны, на это может косвенно указывать разнообразие морфологических типов животных, обнаруженных в Большекараганском могильнике: низкорослые полутонконогие и средние полутонконогие лошади³². Крупный рогатый скот синташтинских и петровских поселков был комолый и использовался для получения молока и мяса. Разведение лошадей было направлено на развитие их основных качеств — быстроты и выносливости. Предварительный изотопный анализ показал, что мясо и/или молоко лошади не играли доминирующей роли в диете людей, в отличие от говядины и баранины³³. От овец и коз также получали шерсть³⁴.

Очевидно, что только скотоводство не могло обеспечить высокую концентрацию населения в пределах очень небольшой площади. Между тем, специалисты при оценке числа обитателей приводят довольно внушительные цифры³⁵. Преодолеть это противоречие был призван тезис о иерархии поселений (т.е. о существовании открытых деревень, подчиненных укрепленному поселению), но до сего дня надежных доказательств их присутствия нет.

Металлургия и металлообработка, как высокотехнологичные отрасли, в большой степени зависят от обладания необходимым уровнем квалификации и от доступности минеральных ресурсов, а также прямо требует специализации отдельных групп или индивидуумов. Результаты этого процесса могут и не быть отражены в погребальной обрядности, консервативность которой общеизвестна. Симптоматичен сам факт наличия таких погребений специалистов. В то же время, исследователи обращают внимание на технический уровень металлообработки, многие навыки которой находились в стадии развития, что подтверждается большой долей отходов в коллекциях.

К числу дискуссионных относится вопрос об источниках руды. С одной стороны, нет сомнений в собственном производс-

тве металла обитателями синташтинских поселений, с другой, в зоне распространения укрепленных поселений практически нет достоверных горных выработок. Единственный пример – Воровская яма³⁶ – пока дал только алакульскую керамику, другие же рудопроявления и следы их разработки находятся к югу и частично к востоку.

Естественно, в синташтинском социуме существовали и другие «производства» (керамическое, кожевенное, ткачество и др.). А.Н.Усачук сделал интересное наблюдение из детального анализа технологии изготовления дисковидных псалиев. Он уверен, что этим ремеслом, так же как изготовлением повозок, занимались специалисты³⁷.

Базовая отрасль – скотоводство – в силу своих технологических особенностей не требует жесткой централизации и постоянного контроля над производством. Более реальными представляются возможности контроля над источниками минерального сырья и обменными операциями с сопредельными и отдаленными территориями. Исполнение этих функций на определенном этапе могло потребовать выделения группы специалистов-«управленцев»/воинов. Сочетание продуктов металлопроизводства с предметами вооружения в погребениях не дает возможности говорить о строгом разграничении функций в синташтинском обществе. Как же оно было организовано? Как управлялось и как функционировало? На эти вопросы ответить еще труднее, чем на вопросы об экономике, поэтому большинство предложенных на настоящее время интерпретаций имеет пока статус гипотез.

В попытке ответить на поставленные вопросы, мы неизбежно ссылаемся на сложные системы фортификации и на организованные в регулярные кластеры жилища на поселениях. Эти удивительные памятники имеют регулярную планировку и рациональный характер, где все детали выглядят хорошо продуманными. Такая модель замкнутого укрепленного поселка не была известна на данной территории ни до, ни после рассматриваемого нами периода времени³⁸.

Следует, однако, отметить, что прототип круглопланового укрепленного поселения с центральной площадью и круговой планировкой внутреннего пространства был известен в эпоху ранней бронзы в Анатолии, в Эгейском мире, в юго-восточной Европе³⁹. Для социальной интерпретации подобной модели поселка интересно привести слова М.Корфмана о поселении Димирчююк, раскопанном им в западной Анатолии и напоминающем по форме и устройству Аркаим:

«Конструкция кластерных домов на Димирчююке имела преимущество в том, что их строительство требовало от жителей довольно скромных затрат, она обеспечивала также эффективное сохранение тепла. Недостаток этой системы заключался в том,

что в случае необходимости ремонта какого-либо из жилищ, вся крыша так или иначе должна была быть задета. И в случае пожара, такая коллективная архитектурная конструкция была достаточно уязвима. Коллективная деятельность на Димирчюке проявлялась не только в строительстве домов, но в концепции закрытой защитной стены. Существование стабильной архитектурной традиции, т.е. установленного строительного канона, позволяет предполагать определенный материальный достаток. Подобная архитектурная система предусматривала то, что материалы и необходимые трудовые и материальные ресурсы всегда имелись в резерве для поддержки тех людей, которые по каким-либо причинам не могли участвовать в ремонте своего жилища. Таким образом, вместе с важностью богатства подчеркивалось понятие общественной солидарности»⁴⁰.

Что касается Аркаима, то по отношению к нему было предложено особенно много интерпретаций: военный форт, квази-город, прото-город, караван-сарай, церемониальный или религиозный центр. Последнее предположение могло бы быть приемлемым, если иметь в виду слабую насыщенность слоя предметами повседневной жизни, но на нем нет и следов самой религиозной деятельности. Не проще принять интерпретацию этого памятника как административного центра, где временами могло обитать около 2500 человек⁴¹. Трудно себе представить такое большое скопление людей на относительно небольшом пространстве. По мнению Г.Б.Здановича и И.М.Батаниной⁴², военная функция фортификаций имела первостепенное значение. Однако мы до сих пор не знаем, кто были враги, и от кого нужно было защищаться. Есть и мифологические интерпретации Аркаима⁴³.

Так или иначе, не приходится сомневаться, что сохранение стабильной архитектурной традиции, воплощенной в синташтинско-петровских поселениях, в течение хотя бы 200 лет было бы невозможно без сильной социальной власти. Но в каком виде она существовала и как функционировала, трудно пока ответить. Нужны программные, целенаправленные исследования с применением всего арсенала современных методов.

Анализ остатков погребальных памятников также наводит на противоречивые мысли. С одной стороны, синташтинские погребальные комплексы наполнены символизмом и своеобразным пониманием престижа. Эта система, без сомнения, основывалась на коммунальных ритуалах, хотя в них вполне различим символизм по отношению к определенному индивиду. Как уже отмечено выше, большую роль в этих ритуалах играли жертвоприношения животных, среди которых исследователи выделяют несколько типов, в зависимости от полноты представленности животного (целое или часть), его соотношения с конкретным человеком или со всей группой. По данным Д.Г.Здановича, умершие дети «по-

лучали» в 25 раз меньше мяса, чем взрослые мужчины. В исключительных случаях, для умершего могло быть пожертвовано до 12 животных⁴⁴.

С другой стороны, в синташтинской культуре нет отдельных могильников для какого-то одного социального слоя, в плане богатства все они выглядят довольно одинаково. В них есть погребения с большим или меньшим количеством инвентаря, но эти различия не столь контрастны, чтобы заключить о существовании большой социальной дифференциации, основанной на обладании собственностью. Между тем присутствие в могильниках погребений с остатками колесниц и оружием на общих кладбищах указывает на то, что «колесничие» и воины, имевшие определенно особый статус, разделяли условия жизни с другими членами общества.

Несмотря на недостаток явно выраженной имущественной стратификации (по материалам погребений), большинство исследователей считает, что синташтинское общество знало институт элиты⁴⁵, и мы разделяем это мнение. Возможно, эта элита «не материализовалась» в жизни, и поэтому погребальные ритуалы отражают, прежде всего, половозрастные градации, и в меньшей степени статусные различия. С другой стороны, если мы вспомним, что, по расчетам специалистов, только десятая часть возможного населения погребалась под курганами и что все половозрастные группы представлены нормально, то нам придется признать, что люди, которые были погребены по этому обряду, принадлежали какой-то особой общественной группе, а остальная часть населения хоронилась по-другому. Об этом говорят инвентарный комплекс, сложность ритуалов, высокий уровень санитарного состояния группы и численность покойных, резко отличная от расчетной цифры обитателей поселений⁴⁶.

Мы считаем, что элита выполняла в основном организаторскую функцию, действующую, прежде всего, в ритуальной сфере, которая занимала очень большое место в общественной жизни синташтинско-петровского общества⁴⁷. При этом мы предполагаем, что элита должна была владеть «неким сакральным знанием», как это наблюдалось, например, в кельтском обществе. Ее власть не афишировалась внешне и не отмечалась материальными атрибутами. Это позволяет допустить, что рост социальной сложности в рассматриваемом нами хронологическом локусе шел не по пути возрастания личного лидерства и имущественного неравенства. Этот процесс, возможно, был ограничен корпоративной идеологией, оправдывающей единство элиты и остального населения⁴⁸.

Оценить уровень сложности синташтинского общества совсем непросто. Разумеется, памятники указывают на ее рост, но этот процесс пока слабо укладывается в классические модели социаль-

ной эволюции. Трудно себе представить, что обитатели поселений (от нескольких сотен человек до тысячи), жившие постоянно в смежных жилищах, находились в первобытных отношениях. Это общество, без сомнения, «знало» экономическую специализацию, половозрастные и статусные различия, престижные предметы и богатство, но оно управлялось корпоративной идеологией и поэтому оказалось невидимым археологически.

Заключая изложение, подчеркнем, что главное содержание социального процесса в начале второго тысячелетия до н.э. на Южном Урале заключалось в появлении новых форм социальной организации на фоне революционных технологических открытий, среди которых следует назвать распространение металлургии, повлекшее за собой инновации в теплотехнической сфере (изобретение новых типов печи), в транспорте и коммуникациях (изобретение колеса со спицами и легкой колесницы), в строительном деле и архитектуре (использование дерева и глины для создания несвойственного Зауралья типа поселения).

Вопрос об истоках синташтинской культуры относится к числу наиболее дискуссионных. Не вдаваясь в подробности, отметим, что, по нашему мнению, своим «рождением» она обязана катаклизмам и миграциям, которые имели место в конце третьего тысячелетия до н.э. к западу и юго-западу от Урала — в Циркумпонтийском регионе, где происходил распад внутренних связей и формирование новых сетей взаимодействия. Многие элементы синташтинского культурного комплекса не имеют местных корней, но именно на Южном Урале они приобрели системный характер, загадку которого еще предстоит разгадать.

¹ Интересующихся подробностями открытия этой серии памятников мы адресуем к другим изданиям: *Епимахов А.В.* Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. Челябинск, 2002. С. 5–13; *Виноградов Н.Б.* Синташтинские и петровские древности Южного Урала. Проблема соотношения и интерпретации // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М., 2004. С. 261–284.

² *Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.* Синташта. Археологический памятник арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1992. Т. 1. С. 10–15.

³ *Генинг В.Ф.* Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен // СА. 1977. № 4. С. 53–73.

⁴ *Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.

⁵ События тех лет хорошо отражены в литературе и особенно в публицистике (Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995; Аркаим: библиогр. указ. 1987–1997. Челябинск, 1999).

⁶ *Зданович Г.Б.* Феномен протоцивилизации бронзового века Урало-Казахстанских степей. Культурная и социально-экономическая обусловленность // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата,

1989. С. 171–179; *Он же*. Аркаим. Арии на Урале. Гипотеза или установленный факт? // *Фантастика и наука*. Вып. 25. М., 1992. С. 256–271; *Зданович Д.Г.*

Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы. Челябинск, 1997. 94 с.

⁷ Археологический атлас Челябинской области / Вып. 1. Степь-лесостепь. Кизильский район. Сост. Зданович Г.Б., Батанина И.М., Левит Н.В., Батанин С.А. Челябинск, 2003. 240 с.; Левит Н.В., Батанина И.М. Новое на карте «Страны городов» // Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала. Челябинск, 2004. С. 87–98. и др.

⁸ *Батанина И.М.* Природные условия «Страны городов» // Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала. Челябинск, 2004. С. 138–139; Геолого-минералогические исследования древних медных рудников на Южном Урале. Сост. Зайков В.В., Юминов А.М., Дунаев А.Ю., Зданович Г.Б., Григорьев С.А. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 4. С. 101–114.

⁹ Logvin, V.N. The Cemetery of Bestamak and the Structure of the Community // *Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC: Regional Specifics in Light of Global Models* / *Journal of Indo-European Studies*. Monograph Series; 45. Eds. K.Jones-Bley & D.Zdanovich. Washington D.C., 2002. P. 189–201.

¹⁰ *Ткачев В.В.* Степное Приуралье на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Челябинск, 2006.

¹¹ *Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П.* Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара, 1994.

¹² Систематические раскопки здесь ведутся с 2005 г. экспедицией Института истории и археологии УрО РАН под руководством авторов статьи, а также С.В.Шараповой, при участии С.Е.Пантелеевой, Н.А.Берсеневой. В настоящее время исследования проводятся в рамках совместного российско-германского проекта, финансируемого DFG и РФФИ.

¹³ *Епимахов А.В.* Ранние комплексные общества Севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Челябинск, 2005. Кн. 1.

¹⁴ *Боталов С.Г., Григорьев С.А., Зданович Г.Б.* Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника: (публикация результатов археологических раскопок 1988 года) // *Материалы по археологии и этнографии Южного Урала*. Челябинск, 1996. С. 64–88; Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Челябинск, 2002. Кн. 1. 216 с.

¹⁵ *Виноградов Н.Б.* Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003. 362 с.

¹⁶ Эта часть неизбежно носит реферативный характер и опирается на исследования коллег, не все из которых, увы, упомянуты даже в ссылках в силу статеийного характера изложения.

¹⁷ *Зданович Г.Б.* Аркаим — культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // РА. 1997. № 2. С. 47–62; Археологический атлас Челябинской области. Сост. Зданович Г.Б., Батанина И.М., Левит Н.В., Батанин С.А. Вып. 1: Степь-лесостепь. Кизильский район. Челябинск, 2003; *Зданович Г.Б., Малютина Т.С.* Укрепленное поселение Аландское. Строительные горизонты и керамические комплексы (к проблеме взаимосвязи синташтинско-аркаимской и петровской культур) // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы II регион. науч.-практ. конф. Челябинск, 2004. С. 56–61; *Виноградов Н.Б.* Синташтинские и петровские древности Южного Урала...; *Малютина Т.С., Зданович Г.Б.* Куйсак — укрепленное поселение протогородской цивилизации Южного Зауралья // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: материалы конф. Челябинск, 1995. Ч. V. Кн. 1. С. 100–106 и др.

¹⁸ См. сводку: *Зданович Г.Б., Зданович Д.Г.* Протогородская цивилизация «Страна городов» Южного Зауралья (опыт моделирующего отношения к древности) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Челябинск, 1995. Ч. V. Кн. 1. С. 49–50.; *Григорьев С.А.* Бронзовый век // Древняя история Южного Зауралья. Т. I: Каменный век. Эпоха бронзы. Челябинск, 2000. С. 283–285; *Виноградов Н.Б.* Памятники петровского типа в Южном Зауралье и Северном Казахстане: культурная атрибуция и внутренняя периодизация // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург, 2005. С. 129–133; *Зданович Г.Б., Малютина Т.С.* Укрепленное поселение... и др.

¹⁹ Для сравнения на алакульских и срубных памятниках поздней бронзы за счет разреженности застройки этот показатель составляет 1/8–1/10.

²⁰ Эта цифра, конечно, не идет ни в какое сравнение с комплексно исследованным специализированным поселком металлургов Горный (Каргалы. Т. III: Селище Горный: Археологические материалы. Технология горно-металлургического производства. Археобиологические исследования / Сост. и науч. ред. Е.Н. Черных. М., 2004. С. 77–100), что должно свидетельствовать о разнофункциональности памятников.

²¹ *Григорьев С.А.* Основные этапы и проблемы культурогенеза // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск, 2006. С. 203–204; *Дегтярева А.Д.* К проблеме возникновения синташтинского металлопроизводства // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург, 2006. С. 34–37.

²² *Стефанов В.И., Епимахов А.В.* Синташтинский III (малый) курган: некоторые подробности и новые сюжеты // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2006. Вып. 4.

²³ *Мельник В.И.* Особые виды погребений катакомбной общности. М., 1991. С. 107–108.

²⁴ *Ражев Д.И., Епимахов А.В.* Феномен многочисленности детских погребений в могильниках эпохи бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2004. Вып. 5.

²⁵ Ссылки на будущее обнаружение грунтовых захоронений, не снабженных надмогильными конструкциями, вряд ли способны удовлетворить хотя бы потому, что Синташтинский могильник в значительной степени копался сплошным раскопом, а для второго из приведенных в качестве примера некрополей пока не выявлено свидетельств ни при магнитометрическом исследовании значительной части площади межкурганного пространства, ни при дешифрировании аэрофотосъемки.

²⁶ *Littauer M.A., Crowell J.H.* The origin of the true chariot // *Antiquity*. 1996. Vol. 70. № 270. P. 934–939; *Виноградов Н.Б.* Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. С. 265–266.

²⁷ *Епимахов А.В., Чечушков И.В.* Евразийские колесницы: конструктивные особенности и возможности функционирования // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск, 2006. С. 168–182.

²⁸ *Koryakova L.N., Epimakhov F.V.* The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Ages. Cambridge, 2007. P. 94.

²⁹ *Gaiduchenko L.L.* The Biological Remains from the Fortified Settlements of the Country of Towns of the Trans-Urals // *Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC: Regional Specifics in Light of Global Models* / Eds. K. Jones-Bley, D. Zdanovich. Washington D.C., 2002. P. 400–416.

³⁰ *Косинцев П.А., Варов А.И.* Костные остатки из раскопок двух поселений позднего бронзового века в Южном Зауралье // Проблемы истории, филологии и культуры. Магнитогорск, 1995. С. 29–34.

³¹ Новейшие данные палеозоологии предполагают наличие небольшого процента свиньи (в пределах 1,5%). Однако, по мнению П.А.Косинцева

(доклад на конференции «Комплексные общества Евразии III–I тыс. до н.э.» (Аркаим, 1999)), разведение этого вида базировалось на естественной кормовой базе. Существование широколиственных лесов в синташтинское время диагностируется споропыльцевыми анализами.

³² *Гайдученко Л.Л.* Некоторые биологические характеристики животных из жертвенных комплексов кургана 25 Большекараганского могильника // Аркаим. Некрополь. Челябинск, 2002. С. 194–195.

³³ *Privat K.* Preliminary report of paleodietary analysis of human and faunal remains from Bolshekaraganski kurgan 25 // Там же. С. 166–171.

³⁴ *Косинцев П.А.* Костные остатки животных из укрепленного поселения Аркаим // Археологический источник и моделирование древних технологий. Челябинск, 2000. С. 17–44.

³⁵ От 2500 человек и более (*Зданович Г.Б.* Аркаим. Арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995. С. 21–42). С формальной точки зрения, опровергнуть расчеты, в основе которых лежит «норма» площади пола на человека, невозможно, но при обращении к истокам этой «нормы» возникает множество вопросов. На несоответствие этих показателей даже в зоне сельскохозяйственных цивилизаций (где плотность не превышала 400 чел./га) указывал В.М.Массон (*Массон В.М.* Ранние комплексные общества Восточной Европы // Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла: (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). СПб., 2000. С. 154).

³⁶ *Зайков В.В., Зданович Г.Б., Юминов А.М.* Воровская Яма – новый рудник бронзового века на Южном Урале // Археологический источник и моделирование древних технологий. Челябинск, 2000. С. 112–129; Геолого-минералогические исследования древних медных рудников на Южном Урале // Археология, этнография и антропология Евразии. Сост. Зайков В.В., Юминов А.М., Дунаев А.Ю., Зданович Г.Б., Григорьев С.А. 2005. № 4.

³⁷ *Usachuk A.N.* Regional peculiarities of technology of the shield cheekpieces production (based on materials of the Middle Don, Volga, and Southern Urals) // Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC. Regional Specifics in Light of Global Models / Journal of Indo-European Studies. Monograph Series; 45. Eds. K.Jones-Bley, D.Zdanovich. Washington D.C., 2002. P. 37–43.

³⁸ Подобная модель организации поселения появится гораздо позже (в раннем железном веке) и на других территориях.

³⁹ *Korfmann M.* Demircihuyuk. Die Ergebnisse der Ausgrabungen 1975–1978. Architektur, Stratigraphie und Befunde. 1. Mainz-am-Rhein, 1983; *Yakar J.* The Later Prehistory of Anatolia. The Late Chalcolithic and Early Bronze Age (BAR International Series; 268). Oxford, 1985; *Мерперт Н.Я.* О планировке поселков раннего бронзового века в Верхнефратской долине // РА. № 3. 1995. С. 28–46.

⁴⁰ *Korfmann M.* Op. cit.

⁴¹ *Зданович Г.Б.* Аркаим и «Страна городов»: диалог культур // Вестник Челябинского университета. Сер. 10. Востоковедение. Евразийство. Геополитика. Челябинск, 2002. № 1. С. 49–66.

⁴² *Zdanovich G.B., Zdanovich D.G.* The “Country of Towns” of Southern Trans-Urals // Ancient Interactions: east and west of Eurasia. Eds. K.Boyle, C.Renfrew, M.G.Levin. Cambridge, 2002. P. 329–404.

⁴³ *Pyankov I.V.* Arkaim and Indo-Iranian Var // Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC: Regional Specifics in Light of Global Models / Journal of Indo-European Studies. Monograph Series; 45. Eds. K.Jones-Bley, D.Zdanovich. Washington D.C., 2002. P. 42–52.

⁴⁴ *Зданович Д.Г.* Жертвоприношения животных в погребальном обряде населения степного Зауралья в эпоху средней бронзы: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005. С. 15.

⁴⁵ *Зданович Д.Г.* Синташтинское общество... С. 63–68; *Массон В.М.* Указ. соч. С. 158–163; *Епимахов А.В.* Южное Зауралье... С. 52– 62 и др.

⁴⁶ *Епимахов А.В., Ражев Д.И.* Тафокомплекс и социальная реальность (по материалам синташтинских памятников) // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально–гуманитарные науки. Челябинск, 2003. Вып.2. С. 29–32; *Они же.* Тафокомплекс и социальная реальность: постановка проблемы // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье) / Отв. ред. В.В.Бобров. Кемерово, 2003. С. 24–28.

⁴⁷ *Koryakova L.N., Epimakhov A.V.* Op. cit. P. 94–95.

⁴⁸ *Корякова Л.Н.* Социальный тренд в южной части северной Евразии в эпоху бронзы и железа // Уральский исторический вестник. Екатеринбург. 2006. № 14. С. 5–24.